

УДК 791.6.071.2:929(470)
ББК 85.374(2)6-8
О-66

Фотография на обложке: Архив РИА Новости

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:
Анатолий Гаранин, Соломон Кулишов, Василий Мальшев, Е. Стопалов / РИА Новости
Архив РИА Новости

Орлова, Любовь Петровна.

О-66 Жизнь, рассказанная ею самой / Любовь Орлова. — Москва : Яуза-пресс, 2020. — 256 с. — (Уникальная автобиография женщины-эпохи).

ISBN 978-5-9955-1027-7

Ее величали «иконой советского кино» и «первой звездой СССР». Она была лицом великой эпохи и любимой актрисой Сталина. Ходили даже слухи о романе Вождя с Любовью Орловой...

Как оказалось, это были не слухи, что подтвердила она сама! Любовь Петровна решилась написать о своих отношениях со Сталиным после того, как его тело вынесли из Мавзолея, а «разоблачение культа личности» переросло в информационную войну против «сталинизма». Она просто хотела восстановить справедливость и рассказать правду о любимом человеке...

Разумеется, эта книга не могла быть опубликована ни в СССР, ни на Западе. Но была страна, сохранившая добрую память о Вожде и рассорившаяся с Кремлем именно из-за клеветы на Сталина. Мемуары Любви Орловой, тайно переданные китайскому дипломату, были изданы в Пекине уже после ее смерти. Лишь сегодня эта книга наконец возвращается к русскому читателю.

Это исповедь не только прославленной звезды советского кино, но и любящей женщины, наедине с которой Сталин позволял себе сбросить маску Вождя и быть самим собой. Это честный рассказ о «Светлом пути» легендарной актрисы и всей Советской державы. Это правда о Сталине и его великой эпохе.

УДК 791.6.071.2:929(470)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-9955-1027-7

© ООО «Яуза-пресс», 2020

От редакции

Товарищ Сталин и Любовь Орлова. Оба они были символами эпохи великих свершений. Ходили даже слухи об их романе...

Слухи подтвердились!

Подтвердила их сама Любовь Орлова!

В 1962 году, сразу же после выноса тела Сталина из Мавзолея, Орлова решила написать о своих отношениях с Вождем, которого его бывшие приспешники всячески пытались очернить. Ей хотелось восстановить справедливость.

Орлова понимала, что в тот период ее мемуары не могли быть опубликованы. Она писала не для современников, а для потомков, для грядущих поколений. Писала с надеждой на торжество справедливости и верой в то, что История в конечном итоге воздаст всем по заслугам.

Кто может узнать Вождя лучше, чем любящая женщина?

Кто может рассказать о Вожде правдивее, чем любящая женщина?

Кому же еще рассказывать о Вожде, как не любимой женщине?

Воспоминаниям Любови Петровны Орловой была уготована непростая судьба. Хорошо понимая, что в тогдашнем СССР они не могли быть напечатаны, Любовь Петровна решилась на смелый и нестандартный шаг. Летом 1974 года, узнав о своей неизлечимой болезни, великая актриса передала свои записки одному из сотрудников посольства Китайской Народной Республики для публикации в КНР.

«Мы были знакомы с Любовью Орловой, — писал в предисловии к изданию дипломат по фамилии Чжан¹. — Встречались во время праздничных демонстраций, на приемах, дважды я присутствовал на ее выступлениях. Когда она сказала, что у нее есть ко мне личная просьба, я сначала подумал, что ей нужно что-то из китайских ценностей², которые нельзя было купить в Москве. Но оказалось, что просьба совершенно иного характера. «Я знаю, как в Китае относятся к памяти великих вождей, — сказала Орлова, — и поэтому доверяю вам самое ценное, что есть у меня». Я посоветовался с моим начальством, был сделан запрос в Пекин, и после одобрения одним из заместителей товарища Цзи³ я принял у Орловой четыре тетради, исписанные ее красивым почерком. При желании эта талантливая женщина могла бы развить в себе каллиграфический талант. Тетради я отправил в Пекин дипломатической почтой. Мы договорились с товарищем Орловой, что я сообщу ей, как только будет принято окончательное решение о публикации. К моему глубокому сожалению, это решение было принято только в марте нынешнего года⁴, уже после смерти Орловой».

Воспоминания Любви Петровны под названием «Светлый путь» были выпущены в 1975 году издательством Пекинского университета. Книга предназначалась для научных работников (историков, советологов) и имела гриф секретности, исключавший свободный доступ к ней. Тираж по китайским меркам был не просто крошечным, а микроскопическим — тысяча двести экземпляров. В то время набирали обороты очередные политические кампании — критика романа «Речные заводы» и борьба с эмпиризмом,

¹ В Китае распространена практика именовании должностных лиц без личных имен, только по фамилии с неперменной приставкой слова «товарищ». — *Прим. ред.*

² Так в оригинале. — *Прим. ред.*

³ Цзи Пэнфэй (1910—2000) — китайский политик, министр иностранных дел КНР с 1972 по 1974 год. — *Прим. ред.*

⁴ Издание датировано 1975 годом. — *Прим. ред.*

поэтому все полиграфические ресурсы и мощности были отданы под выпуск пропагандистской литературы. Кроме того, ограниченность доступа не предполагала больших тиражей изначально.

Оригинальная рукопись, ценнейший документ, была утрачена безвозвратно. В то время в КНР бережно хранились автографы одного человека — Председателя Мао. Все прочие рукописи, после того как надобность в них утрачивалась, отправлялись на переработку. Стране была нужна бумага, много бумаги.

То, что один из экземпляров «Светлого пути» сохранился до нашего времени, можно объяснить только чудом. Но тем не менее чудеса иногда случаются. Один из профессоров, имя которого его внук, передавший нам книгу, просил не называть, скоростижно скончался, не успев вернуть в университетскую библиотеку взятые им книги. Он умер в один день с Мао Цзэдуном 9 сентября 1976-го (родственники не исключают, что именно весть о кончине Председателя Мао могла послужить причиной смерти профессора). В суматохе тех дней родственники забыли вернуть книги, а университетские библиотекари не напомнили об этом. Кабинет профессора стал чем-то вроде домашней святыни. Полностью сохранилась не только обстановка, но и книги. В конфуцианском Китае, где почитанию родителей и предков вообще придается огромное значение, подобное отношение не редкость. Лишь в 2013 году, во время переезда, вызванного необходимостью реконструкции старого здания, родственники обратили внимание на пожелтевшую от времени книжечку в простом бумажном переплете. Ознакомившись с ней, они нашли в Интернете информацию о Любови Орловой и поняли всю важность своей находки, а также то, что эти воспоминания заслуживают того, чтобы быть опубликованными.

Как хорошо, что чудеса иногда случаются!

2 ноября 1961 года

Сегодня я поняла, что должна написать о том, что было. Не для публикации, для себя. Все равно больше я ничего не могу. Все равно никто моих записок никогда не опубликует. Разве что за границей, но там нельзя. Не столько потому, что все извратят и опошлят, а просто нельзя. Фарс! В детстве жизнь кажется сказкой, потом она превращается в комедию, которая становится трагичнее год от года. А потом ты понимаешь, что все это фарс. Только не смешной, а очень грустный.

Или справедливость восторжествует, и отношение к Сталину с клеветнического изменится на правильное, на то, которого заслуживает Сталин? Хотелось бы в это верить. Хотелось бы на это надеяться. Я надеюсь, иначе бы и не начинала вспоминать. То есть не начала бы записывать свои воспоминания. Вспоминать я люблю, но вспоминаю я для себя, а записывать собралась для других. Для кого именно? Честно говоря, не знаю. Но любой труд, любая работа делается в расчете на востребованность, в расчете на то, что это кому-то нужно.

Пишу с тяжелым сердцем. «Слезы — на глазах, камень — на душе», — говорила в таких случаях мама. Слез действительно много, надо взять себя в руки, иначе дела не сделаю, только проплачу зря. Слезы всегда напрасны, потому что горю ими не помочь. Облегче-

ния они тоже не приносят. С детства знаю, что во всех тяжелых ситуациях есть только один правильный выход. Надо стиснуть зубы и действовать, делать дело. Работа помогает побороть беду. Хотя бы тем, что отвлекает от тяжелых дум и внушает уверенность. Пока я жива, пока я могу что-то делать, моя жизнь продолжается. Стиснуть зубы и действовать. Так — и только так. Делать то, что можешь.

Что я могу? Я бы поставила Ему памятник, только кто же мне даст это сделать? Подлые, подлые люди! Тысячу раз написать это слово, все равно будет мало для выражения их подлости. Всех ругательств мира недостаточно для того, чтобы выразить мое мнение о них, негодях, предавших своего Вождя! Кем бы они были без Него. Когда Сталин был жив, не знали, как подольститься, пресмыкались перед ним, раболепствовали. А сейчас — торжествуют! Пытаются одолеть покойника после смерти. Подло и мерзко! Начали с осуждения, которому ханжески придали вид «секретного». Закрытый доклад! Это же смешно! Или нарочно так сделано, ведь все секреты распространяются у нас молниеносно. Опорочили, убрали памятники, постарались стереть имя отовсюду, где только возможно. Но этого им оказалось мало. Они боятся Его даже мертвого, иначе бы не вынесли из Мавзолея. Тайком! Яко тать в нощи. А.К.¹ любил повторять, что любое гнусное дело можно сделать двояко — по-людски и нет. Они сделали свое дело совсем не по-людски.

Я чувствую, что должна что-то сделать. Пусть мои воспоминания станут моим личным памятником Ему. Моим личным памятником Человеку, которому я обязана столь многим. Моим личным памятником преданному вождю.

Справедливость торжествует всегда. К сожалению, мы не всегда успеваем дожидаться ее торжества. Но поздно не означает никогда.

¹ Вероятно, А.К. — это первый муж Орловой Андрей Каспарович Берзин.

Я по многу раз на дню переношусь в прошлое. Можно сказать, что чем старше становлюсь, тем больше живу воспоминаниями. Наверное, это все так. Теперь стану записывать то, что вспоминаю. Не все подряд, а «избранные места». По месяцам. Память у меня хорошая. Ролей никогда не приходилось заучивать подолгу. Прочту один раз, и достаточно. Но помнить все события тридцатилетней давности по датам, это даже моей памяти не под силу. «Не ленись! — говорила мне в детстве мама. — Что не сделаешь в свое время, все равно придется делать потом». В свое время я не вела дневника. Никогда не было потребности доверять что-то бумаге. События моей жизни не казались мне заслуживающими увековечения, другое дело — роли. Но роли мои и без дневника «стали частью вечного», как шутит Г.В.¹ Никогда не вела дневника, так теперь вот придется писать мемуары, чтобы отдать долг памяти человека, которого сейчас всячески стараются забыть. Наивные люди! Это их забудут на второй день после отставки или смерти, как забыли Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина и прочих. А Сталина помнят и будут помнить всегда.

И может быть, кто-то когда-то смахнет пыль с моей ветхой тетради и вспомнит слова моего любимого поэта Тютчева:

*Как этого посмертного альбома
Мне дороги заветные листы,
Как все на них так родственно-знакомо,
Как полно все душевной теплоты!
Как этих строк сочувственная сила
Всего меня обвевала былым!
Храм опустел, потух огонь кадила,
Но жертвенный еще курится дым.*

---

¹ Григорий Васильевич Александров — второй муж Орловой, известный кинорежиссер.

Январь 1935-го

Почти ко дню рождения (лучше раньше, чем позже, и лучше позже, чем никогда) я получила подарок — превратилась из обычной артистки в заслуженную. Положим, «обычной» и тем более «рядовой» я никогда не была. Для актрисы нет худшего оскорбления, чем «обычная», «рядовая», «простая», ведь все эти слова грани одного и того же слова — «посредственная». В.П.¹ предпочитает использовать выражения «актриса с маленькой буквы» и «актриса с большой буквы». Так, наверное, лучше.

В честь наших наград неделю шли застолья. Ограничиться одним было невозможно. Каждый день звонили новые люди, поздравляли, намекали на то, что «надо бы отметить». Хотелось бы верить, что хотя бы кто-то из поздравителей был искренен и на деле разделял нашу радость. Увы, наверное, только мы с Г.В. были искренни, поздравляя друг друга.

Г.В. не любит, когда его отвлекают от чего-то, будь то съемки или беседа с гостями, поэтому к телефону подходила я. Очередной звонок. Хотелось бы написать, что он прозвучал как-то необычно, особенно звонко, или что сердце мое вдруг начало биться чаще, но ничего такого не было. Самый обычный звонок. Звонили нам в то время раз по пятьдесят в день.

---

¹ Вероятно, В.П. — Вера Петровна Марецкая (1906—1978) — советская актриса.

— Здравствуйте, — послышался в трубке приятный мужской голос. — Это квартира заслуженной артистки Орловой?

— Да, это квартира заслуженной артистки Орловой, — подтвердила я, с особенным удовольствием произнося вкусное слово «заслуженной», и, спохватившись, поздоровалась.

Голос был мне незнаком, но я никогда не спрашиваю, кто звонит. Это еще более бестактно, чем вести разговор, не представившись.

— С вами будет говорить товарищ Сталин, — сказал мой собеседник. — Не отходите от телефона и не кладите трубку.

Предупреждение показалось мне излишним. Как я могу отойти от телефона или положить трубку, если знаю, что со мной будут разговаривать?

Товарищ Сталин?! В квартире было шумно, и я подумала, что ослышалась. Может, Свердлин¹? Он тогда играл у Мейерхольда, почти не снимался, но мы были знакомы, и Г.В. хотел снять его в одной из будущих картин. В результате снял в «Цирке» в эпизодической роли зрителя из Средней Азии и тем самым вывел, как принято говорить, «на большую киношную дорогу».

Но разве Свердлин стал бы звонить так, с помощью другого человека? Секретарей актерам не положено. Розыгрыш? Чей? Розыгрыши среди актеров не редкость, но все знают мою нелюбовь к ним, и никто меня не разыгрывает. Да еще таким беспардонным образом!

— Здравствуйте, Любовь Петровна! — по телефону Его голос звучал совсем иначе, но тогда мне еще не с чем было сравнивать. — Мы с товарищами поздравляем вас и желаем дальнейших успехов.

---

¹ Лев Наумович Свердлин (1901—1969) — советский российский актер, театральный режиссер, педагог.

И Григорию Васильевичу передайте наши поздравления. Ждем от вас новых достижений.

Возможно, Он сказал это другими словами, но смысл был таков. Слов я досконально не запомнила, настолько была ошеломлена. Слово в слово помню только последнюю фразу.

— Спасибо, товарищ Сталин, спасибо... — лепетала я.

— Плохо, что мы до сих пор не знакомы. Надо бы это исправить, — сказал Он и добавил после небольшой паузы (Он вообще любил делать паузы в речи): — До свидания, Любовь Петровна.

Это обычное и совершенно естественное «до свидания» прозвучало как «до скорого свидания». Не знаю почему, не скажу откуда, но именно такое мнение сложилось у меня.

Я никому не сказала о звонке, кроме Г.В. Зачем объявлять гостям, что мне сейчас звонил Сталин? Это выглядело бы бахвальством, а я ненавижу бахвальство во всех его проявлениях. Г.В. я передала поздравления, когда все гости разошлись. Он, как мне показалось, немного расстроился, что ему не довелось поговорить со Сталиным лично. Г.В., как и все творческие натуры, очень чувствителен и ревнив к чужой славе. Если в наших с ним отношениях где и присутствует ревность, то это место — слава. Когда Г.В. начал вспоминать свою встречу со Сталиным на даче у Горького, я выразительно посмотрела на часы. У нас это называется «каменный» взгляд, когда не просто смотришь в одну точку, но и замираешь всем телом. Получается крайне выразительно, особенно в кадре. Г.В. знает, что я не люблю слушать по сто раз обо одном и том же, и знает, как я устаю от гостей. Мало кто из людей бывает приятен настолько, чтобы в общении с ним можно было избежать напряжения, не думать постоянно о том, что сказать и как отвечать. Большинство же только и норовит укусить, ужалить, подпустить шпильку. Половина гостей говорила мне: «Любочка, наконец-то вас оценили

по достоинству», а другая половина: «Любочка, какая вы счастливая, что вас заметили и оценили». Никто не сказал просто и честно, что разделяет мою радость. Обязательно хотели указать на то, что мне просто повезло или что обо мне наконец-то вспомнили. Повезло? Везения у меня всегда было на грош, а вот усердия на три рубля с полтиной. Как будто все приходит само собой, падает с неба! От природы могут достаться способности, но вот что выйдет из этих способностей, зависит только от их обладателя. Легче всего завидовать, поскольку это занятие не требует никаких усилий, ни душевных, ни физических, и сваливать свои неудачи на невезение или отсутствие нужных связей. «Ах, у Орловой муж режиссер, кого ж ему снимать, как не ее?!» Очень легко и просто объяснить успех актрисы ее замужеством за режиссером. А о Г.В. те же самые злопыхатели говорят: «Орлова, как жена, снималась только у него, и оттого его фильмы так популярны». Все спишут на что-то злые языки. Всему найдут гаденькое объяснение. Тошнит от таких «друзей»! Будь моя воля, так я общалась бы только с избранным кругом, пусть в нем два-три человека, но что с того. Однако нельзя. Скажут, что я окончательно зазналась. Меня и без того считают зазнашкой, потому что я знаю себе цену и не скрываю этого. К тому же наша жизнь устроена так, что без многих полезных людей просто не обойтись. Вот и приходится «блистать в обществе», а потом расплачиваться за это приступами мигрени. Странно, но, сколько бы я ни выступала перед зрителями, от общения с ними голова моя никогда не болит. Я могу устать физически, но душевный подъем от такого общения перекрывает эту усталость. Потому что это совсем другое — одна сплошная любовь, никакой злобы, никакой зависти, никакой ненависти. Я люблю зрителей, зрители любят меня, нам хорошо вместе.

«Хорошо» может быть разным. Это понятие имеет множество оттенков. Я воспринимаю чувства и настроения в цвете. Это мой маленький секрет, из которого я, собственно, никогда секрета не делала и не делаю. Очень сильно помогает в работе над образами. Стоит только «разложить» образ по цветам, как сразу же почувствуешь его весь, объемно, детально. Взять, к примеру, Анюту и Марион. У Анюты основной цвет оранжевый. Она яркая, словно апельсин, иногда аж смотреть больно, глаза режет. Порывистая, непосредственная, может быть и застенчивой, и робкой. Там еще много цветов, но долго все описывать, да и ни к чему. Я же для наглядности. А вот Марион — голубая, сдержанная. Она может даже показаться холодной. Но в глубине этой голубой холодности пульсирует красным ее сердце. И еще там лиловое — страх. Страх за ребенка, страх перед негодяем Кнейшицем, страх жизни в новой, незнакомой стране. Г.В. всегда восхищается тем, как я сыграла Марион. Говорит, что совершенно не узнает меня, настоящую, в этой роли. Наверное, это высшая похвала, которую жена-актриса может услышать от мужа-режиссера.

С Г.В. мне хорошо, но это хорошее спокойных тонов, ближе к розовому. Мы друзья и партнеры. А вот с Ним мне тоже было хорошо, но это уже было буйство красок. Багряный с золотым, и все переливается, пульсирует, живет. Невероятное по остроте ощущений чувство — быть рядом с великим человеком. Непередаваемое, неопишуемое. Дело не в том, что ты постоянно ощущаешь его величие. И не в том, что на фоне его проблем твои собственные кажутся такими крошечными, прямо ничтожными. И не в том, что вам очень редко удается побыть наедине, а в том, что, взявшись за руки, прогуляться по ночным бульварам нельзя даже и мечтать. Я очень люблю гулять по бульварам ночью, когда там нет никого, только звезды и редкие милицейские патрули. Так приятно держать Г.В. под